

Дорогой Читатель!

Я написала уже больше пятидесяти книг.

Каждая из них — мой шаг навстречу к вам, открытие и откровение. Я пишу о мире параллельных реальностей, с которым каждый из нас, сам того не подозревая, сталкивается практически ежедневно. Просто мы привыкли не замечать его.

Так как не замечал главный герой моей новой серии сценарист Илья Самбуров. Пока не стал участником невероятных и необъяснимых, с его точки зрения, событий.

Быть может, и вы посмотрите на мир его глазами и увидите нечто новое...

С любовью,

Наталья Солнцева

Ужели верно старое реченье
Из мира темного, что сами боги
Своих даров назад не в силах взять?

Алфред Теннисон

Глава 1

В прозрачном воздухе носились лепестки черемухи, опускались на влажные с ночи тротуары, горько пахли...

Петербург, город-призрак, полный величия, славы и безумия, смотрел в бездонное небо глазами дворов-колодцев. Все так же шумели листвой его старые парки, неторопливо текла закованная в гранит Нева, и грозный медный император глядел вдаль...

Старый тополь во дворе театрального дома почти засох, но жильцы жалели рубить его и спилили нижние сухие ветки. Дерево стало похоже на высоченный шест, покрытый скудной растительностью. Сам дом тоже преобразился. Его покрасили в нежно-зеленый цвет, и белые колонны нарядно смотрелись в блеске северного солнца.

На исходе мая благоухала сирень, по дворам цвели рябина и шиповник, тянулась к свету зеленая травка. Такую маленькую полянку, покрытую нежной порослью дикой ромашки, облюбовал Егор Фаворин для выгуливания своих персидских котов. Это была молодая пара, потомство Дианы. Животных звали Парис и Елена. Когда родились персидские котята, в театре у Фаворина репетировали «Прекрасную Елену», и музыканту не пришлось долго выбирать имена.

— Парис! Парис! Куда ты лезешь? — увещевал Егор молодого котика, который рвался к голубям и воробышкам, натягивая поводок. — Задушишься! Вот глупый! Думаешь, тебе удастся поймать этих хитрых бестий?

8 — Да отпустите вы их, Фаворин, пусть побегают! — добродушно посоветовал вышедший из подъезда черноусый мужчина спортивного телосложения. — Это же кошки! Они свободу любят, а вы их на поводок.

Егор криво улыбнулся, ничего не ответил. «Иди, иди себе, вездесущий ниндзя, — подумал он, провожая недобрым взглядом нового соседа. — Ишь, раскомандовался! Мордоворотами своими командуй!»

Ниндзей жильцы театрального дома прозвали Фарида Гордеева. Он пару лет назад вернулся с Дальнего Востока и поселился в своей квартире на втором этаже, в той, где проживали студенты-арабы. Никто толком не знал, что он за человек, но все его побаивались. У Гордеева была сильная, развитая фигура, легкая пружинящая походка, жесткий взгляд и суровое выражение лица.

Ему исполнилось сорок два года. Он родился в Питере, в семье ученых-востоковедов. Все его детство прошло под влиянием культуры Японии, Китая и стран Дальнего и Ближнего Востока. Окончив школу, Фарид отслужил в армии, в Благовещенске. Там и остался. Плавал по Амуру, рыбачил, сплавлял лес, охотился, исколесил все побережье Охотского моря. Родители звали сына домой, напоминали о необходимости учиться, устроиться на нормальную работу. Но перспектива жить в городе, среди каменных высоток, асфальта и чахлой растительности, не привлекала молодого искателя приключений.

За годы жизни на Дальнем Востоке Фарид привык к вольным просторам, соленым морским ветрам и острому, пьянящему воздуху странствий. Во время путины он плавал на рыболовном судне «Хабаровск», а когда наступала зима, уезжал добывать пушнину. Денег у Фарида было достаточно. По совету своего друга, помощника капитана с «Хабаровска»,

он оставлял себе немного на жизнь, а остальное держал в банке Владивостока. Там же, на «Хабаровске», плавала женщина-врач, с которой у Фариды был роман. Ее звали Надя. Отсутствие обязательств друг перед другом, совместных планов на будущее вполне устраивали обоих. Близкие и теплые отношения, от встречи к встрече. Они сразу договорились — никакой ревности, только любовь, короткая или длинная — как получится, лишь бы в радость. Так и складывалось. Они были счастливы снова увидеться, но расставались без надрыва и печали. Сама природа, величественная и невозмутимо-прекрасная, плавное течение Амура, необозримые морские горизонты придавали бытию естественность и простоту, от которой давно отвыкли городские жители. Фарид забыл, что такое суета, торопливость, вечная гонка за удачей, которая ускользала, подобно туманному мареву над сопками.

Та зима, в которую все случилось, выдалась на редкость холодная, ветреная и снежная. Фарид отправился на охоту один, без напарника. Его друг и помощник слег с воспалением легких. Пришлось оставить его в небольшом селении, у деда с бабкой; они уговаривали остаться и Фариду: «Негоже в такую погоду одному по лесу ходить».

Но Фарид их не послушал. Старик, кряхтя, помогал ему готовить лыжи, укладывать рюкзак и все ворчал, что молодежь нынче неуважительная пошла, самовольная и упрямая, а это к добру не приводит. Он проводил Фариду и долго смотрел ему вслед, молясь лесным духам, чтобы подсобили молодому охотнику. Но, видно, не дошли эти молитвы по назначению...

Занесенный снегом овраг обманчиво казался надежным. Фарид, очнувшись после падения, никак не мог сообразить, как он провалился вниз, ушибся и сломал лыжу. Сколько пролежал без сознания? Пы-

10 таясь выбраться, он обнаружил, что пострадала правая нога.

Время шло к ночи, начиналась метель. Фарид успел два раза выстрелить из ружья, прежде чем снова потерял сознание.

Видимо, его жизни не суждено было прерваться. Громкий собачий лай, а затем крики хозяина, звавшего собаку, пробудили Фариду от тяжелого забытья. Над ним метнулся свет фонаря и склонилось скуластое морщинистое лицо с глазами-шелочками...

Старика-японца, который нашел раненого охотника и притащил в свой дом, звали Накаяма. Он жил отшельником в заброшенном поселке вместе с внучкой, миловидной девушкой по имени Йоко — тоненькой, как тростинка, с нежной кожей и блестящими влажными глазами.

Оказалось, что у Фариды сложный перелом ноги, много ушибов и сильная простуда. Хорошо, что Накаяма отлично разбирался в таких вещах — он аккуратно и профессионально сложил кости ноги, приладил к ней деревянную дощечку и забинтовал. От простуды Фариду давали густой отвар из брусничных листьев.

На его вопросы, почему японцы живут в лесу, в полном одиночестве, старик и внучка не отвечали. Они вежливо улыбались, кивали головами и... молчали.

Через некоторое время Фарид смог самостоятельно вставать и передвигаться по комнате. Дом, в котором жили Накаяма и Йоко, состоял из нескольких комнат. Спали на низких деревянных топчанах, покрытых меховыми одеялами. Судя по шкурам медведей и амурского тигра, Накаяма был искусным охотником.

— Старый тигр, больной, — объяснял старик, поглаживая роскошную полосатую шкуру. — Хотел умереть. Я ему помог. Природу понимать надо... она

мудрее нас. Человек со своим умом, как с диковинной игрушкой, обращаться не умеет, а туда же — думает, что он царь! Чтобы быть царем, одного ума мало...

Фариду нравились разговоры с Накаямой длинными вечерами, когда от каменного очага шел жар, а за деревянными стенами завывала метель.

— Тебе двигаться надо, тело закалять, — однажды заявил старик. — Слабое оно у тебя, хилое. Мужчине таким быть не годится!

С этого дня Накаяма начал будить Фарида ни свет ни заря, вытаскивать из дому на мороз и заставлял выполнять всякие невероятные упражнения. Тренировки усложнялись от занятия к занятию, молодой человек выдыхался, валялся с ног, а японец был бодр и неутомим, как двадцатилетний юноша.

Однажды Накаяма подошел к ложу гостя с палкой в руках. Принял изящную боевую стойку и начал выделывать такие чудеса, что у Фарида глаза на лоб полезли.

— *Дзёдо!* — сказал старик. — Хочешь научиться?

Обучаясь у Накаямы разным техникам ближнего боя, Фарид забыл о времени и своих болезнях. Зерна упали на благодатную почву: он и раньше увлекался восточными боевыми искусствами, но бессистемно, всем понемногу. Накаяма сразу уловил, что из парня выйдет толк. Японец, казалось, был счастлив, неожиданно заполучив способного ученика.

— Я уже думал, что мое умение умрет вместе со мной. Бог милостив! Он не допустил этого.

Накаяма обучил гостя различным техникам — *иаидо*, *дзёдо*, *кендо* и многим другим, подробно заставляя ученика постигать не столько приемы, сколько философию боевых искусств.

— Умение уничтожать врага должно уступить место воспитанию духа воина, — твердил японец. —

12 Чтобы убить человека, не нужно быть мастером.

Им нужно быть, чтобы в невероятных условиях сохранить себе жизнь. Стремись к достижению совершенной гармонии меча, духа и тела, выходи за пределы личного, сиюминутного, и ты познаешь тайны вселенной...

Фарид окреп, выздоровел и разительно изменился: не только его тело, но и его сознание стало другим. Весной, когда сошли талые воды, он вышел из домика Накаямы совершенно иным человеком. Прогуливаясь по лесу, вдыхая сладкие запахи просыпающейся природы, он увидел Йоко. Девушка спускалась к ручью, чтобы набрать воды. Фарид с удивлением ощутил, как внутри него разгорается забытое желание...

Фарид начал оказывать Йоко знаки внимания. Старик-японец то ли не замечал этого, то ли предпочитал не вмешиваться. Молодая японка была нежна и застенчива, ее щеки часто заливал румянец смущения. Движения девушки, грациозные и легкие, сводили Фариду с ума...

В один из солнечных дней, когда старик ушел на охоту, между Фаридом и Йоко произошло то, что рано или поздно случается со всеми влюбленными. Утомленные страстью и долгими ласками, они забыли об осторожности, уснули и не заметили, как вернулся Накаяма, нагруженный дичью.

Когда Фарид вышел на порог, он увидел учителя, который невозмутимо ощипывал птицу, сидя на корточках. У молодого человека перехватило дыхание, кровь бросилась в голову. В сознании металась единственная мысль — знает или не знает? Конечно, знает! Если пришел недавно, то застал их спящими на одной постели.

— Ты почти здоров, — сказал Накаяма, поднимая узкие глаза на гостя. — Скоро сможешь уйти от нас.

Фарид растерянно молчал.

— Что молчишь? Разве нога еще болит? 13

— Нет, но... долго идти я не смогу.

— Через месяц сможешь. Кость срослась хорошо.

Их жизнь втроем потекла по-прежнему, но только внешне. Накаяма так же занимался с Фаридом тренировками, ходил на охоту. Когда Йоко и молодой человек оставались одни, они продолжали любить друг друга. Накаяма переживал случившееся внутри себя, как подобает воину. И, хотя вроде бы ничего не изменилось, в сердце каждого поселились тревога и ожидание.

Однажды, когда Йоко развешивала белье во дворе, под деревянным навесом, старик сел рядом с Фаридом и сказал:

— Ты должен жениться на Йоко.

Молодой человек молча кивнул. Конечно. Разве может быть по-другому?

— Ты любишь ее? — спросил Накаяма. В его голосе звучали нотки сомнения.

Фарид удивился. Он не задавался таким вопросом. Йоко была молода, красива, и ее темперамент, пробивающийся сквозь девичью стыдливость, необыкновенно возбуждал его. Но любовь... это, наверное, нечто другое, гораздо большее. Молодой человек понимал, что наступит время, и он уйдет отсюда, вернется к своей обычной жизни. Мысли о Йоко — что будет с ней? поедет она с ним или останется? — просто не приходили ему в голову. У Йоко он оказался первым мужчиной. Поэтому старик имел право говорить о женитьбе.

— Ты любишь ее? — повторил японец.

Молчание гостя ему не нравилось. Он обожал внучку, вырастил ее с младенчества и желал ей счастья. Родители Йоко погибли, девочка чудом осталась жива, и Накаяма вынужден был скрываться вместе с ней. Он даже не смог отомстить убийцам сына и не-

14 вестки: маленький ребенок лишил его этой возможности. Йоко выросла, расцвела, как роза; она была достойна любви. Молодой охотник украл ее сердце, и теперь пусть женится.

— Я согласен взять Йоко в жены, — едва слышно вымолвил Фарид. — Сделаю все, как вы скажете, учитель.

— Сделаешь, как я скажу? — с недоброй улыбкой переспросил Накаяма, и в его глазах-щелочках полыхнула молния. — Йоко моя внучка. Она красивая, умная девушка и достойна хорошего мужа. О чем ты думал, ложаешься с нею? Не увиливай! Я не этому учил тебя. Если делаешь что-то, умеешь отвечать за свои поступки. Я тебя спросил: ты любишь ее?

— Нет, — мучительно краснея, выдавил Фарид. — Но... она мне нравится. Я никогда не обижу ее.

Старый японец побелел от гнева.

— Честь Йоко некому защитить, кроме меня. Тебе не понять! Ты чужой для нас. Чужой... Но дороже чести — счастье моей внучки. Она мало видела людей, особенно мужчин. Только поэтому тебе удалось соблазнить ее. Так что не обольщайся на свой счет. Это ее ошибка. Йоко молода и успеет все исправить. Она выйдет замуж за мужчину, который полюбит ее.

Фарид хотел возразить учителю, оправдаться, но слова застряли у него в горле. Накаяма заметил его неуклюжую попытку и усмехнулся.

— Не суетись, — тяжело произнес он. — После нашего разговора я должен убить тебя. И если ты завтра же не уйдешь, я так и сделаю. Уходи от нас! Навсегда. Сегодня я не хочу огорчать Йоко твоей смертью. Но завтра... голос крови моих предков-самураев может оказаться сильнее рассудка. И тогда тебе конец. На этом побережье ты от меня не скроешься. Если я увижу слезы на лице внучки, то найду тебя и прикончу! Уезжай...

ков, передохнул и отправился во Владивосток.

Уладив дело с переводом денег в Питер, он написал капитану «Хабаровска», что увольняется и срочно уезжает домой по семейным обстоятельствам. Он понимал — старик шутить не будет, и своей жизнью Фарид обязан Йоко, ее чувству к нему. Уже из городского аэропорта он послал прощальное письмо Наде.

Родители, вне себя от радости, встречали его с цветами. В Петербурге цвела сирень, по Неве плавали нарядные белые катера. У Фариды Гордеева, тридцатилетнего холостого мужчины, началась новая жизнь. Повидавшись с отцом и матерью, он махнул в Карелию, к другу, который давно звал в гости. Возвращаться в Питер не хотелось, и Фарид остался в поселке: работал лесорубом, сторожем, кем попало. Несколько лет прошло, как вязкий нескончаемый сон. Из дома пришла телеграмма: мама сообщала о смерти отца. Фарид собрал нехитрые пожитки и поехал в Петербург, теперь уже надолго.

Не без помощи денег, которые он перевел из Владивостока, родители устроили ему квартиру в театральном доме. Пока сын отсутствовал, они сдавали жилье иностранным студентам. Фарид сперва решил пожить с матерью. Полгода сидел без работы, потом занялся частным предпринимательством — открыл ориенталистский клуб, больше похожий на секцию восточных единоборств. Никаких официальных титулов у Гордеева не было, зато навыки и техника оказались безукоризненными. Накайма потрудился на славу, и у Фариды стали появляться клиенты. Он решил сделать в квартире ремонт, привез кое-какую мебель и переехал. Так в театральном доме появился новый жилец.

Первым, с кем он познакомился, был Николай Эдер, сын Берты Михайловны, умершей пару лет назад. Николаю было тоскливо одному, и он с удо-